

века и поэтому одета по-домашнему. Застигнутая врасплох, девушка в иносказательной форме выражает свое сожаление о том, что никто не предупредил ее о приходе постороннего человека. Пришедший спрашивает ее о ее отце, матери и братьях, на что получает ответы опять в иносказательной форме. — Так обнаруживается мудрость девушки и в сказке и в повести.

Царь, воевода, барин и пр. сказки и князь Петр повести испытывает мудрость девушки и с этой целью посылает ей небольшое количество пряжи с требованием соткать ему из нее рубашку, полотенце и т. п. Девушка сказки и героиня повести одинаково парируют это невыполнимое задание столь же невыполнимым требованием: из небольшого куска дерева сделать ткацкий станок и все необходимое для работы.

Воевода и пр. сказки и князь Петр повести женится на девушке, ставя при этом условие, чтобы она не вмешивалась в его дела; в противном же случае она должна будет уйти от него с тем, что ей всего больше нравится. В повести это излагается фрагментарно.

В скором времени героиня сказки нарушает данное ею при вступлении в брак обещание: она вмешивается в дела мужа. В повести здесь коренная переработка. Вынужденная возвратиться к своим родным, она берет вместе с собою и своего мужа, так как он „всего больше ей нравится“. Вслед за этим и в сказке и в повести герои возвращаются в свой дом.

Беспорность сходства сказки о мудрой деве и повести о Петре и Февронии — это первый вывод из сопоставления сказки и повести. Конечно, многие из сказочных черт в повести сильно изменились. Почему и как — об этом мы еще будем говорить ниже.

Затем, при более детальном анализе данных сличения сказки о мудрой деве и повести о Петре и Февронии становится очевидным особенно большое сходство сказки и повести в цикле иносказательных изречений мудрой девы. Эти изречения особенно полно представлены вариантами *О, П, Р* (которые по классификации Н. П. Андреева относятся к типу 921). Но эти же изречения в виде неустойчивого сюжетного ядра первой части сказки то в большем, то в меньшем числе встречаются и в тех вариантах сказки о мудрой деве, которые явно принадлежат к типу 875: *А, Ж, Э, И, К, Л, М, Н*. Из какой же сказки — 875 или 921 — они попали в повесть о Петре и Февронии?

Рассматривая русские варианты второй группы, мы замечаем, что они представляют собою, — хотя недостаточно полное, — но все же объединение основных эпизодов сказки типа 875 и типа 921. Особенно это надо сказать о варианте *А, К, М, Н*. Таким же объединением сказки типа 875 и типа 921 является и вторая часть повести о Петре и Февронии. Поэтому естественно предположить, что сказочным прототипом повести была сказка № 875, осложненная ядром иносказательных изречений, в современных записях существующим в виде отдельной сказки № 921. — Это второй вывод из сопоставления сказки и повести.